

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Венок на могилу Ивана Степановича
Якимова

Опубликовано:
Христианское чтение. 1885. № 7-8. С. 207-225.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Вѣнокъ на могилу профессора Ивана Степановича Якимова.

18-го минувшаго мая академическая корпорація схоронила одного изъ лучшихъ своихъ представителей и симпатичнѣйшаго изъ людей, профессора по кафедрѣ свящ. Писанія Ветхаго Завета Ивана Степановича Якимова. Часто недомогавшій вслѣдствіе съ дѣтства еще полученной болѣзни, покойный не разъ былъ близокъ къ смерти. Но отчасти молодость, отчасти искусство врачей отвращали угрожающую опасность. Академическіе сослуживцы, настоящіе и бывшіе слушатели Ивана Степановича, равно какъ и родные, знакомые и почитатели и на этотъ разъ не теряли надежды на его выздоровленіе и къ первымъ слухамъ о его болѣзни отнеслись довольно спокойно. Увы! этой надеждѣ не суждено было исполниться. Лютый недугъ сломилъ уже раньше надломленный организмъ и въ ночь съ 15 на 16 мая Ивана Степановича не стало.

При первомъ же извѣстіи о его кончинѣ успѣвшии заявить свое сердечное участіе осиротѣвшей вдовѣ покойнаго и помолиться о упокоеніи его души надъ его бездыханнымъ тѣломъ всѣ знавшіе и уважавшіе покойнаго и прежде всѣхъ его сослуживцы по академіи и слушатели. Тѣ и другіе заботливо слѣдили за ходомъ болѣзни и въ роковую ночь нѣкоторые изъ нихъ неотлучно находились при одрѣ умирающаго и вмѣстѣ съ его неутѣшной супругой приняли его послѣдній вздохъ. Утреннія и вечернія панихиды усердно посѣщались молящимися. Студенты, чередуясь, непрерывно читали псалтирь во все время, пока тѣло стояло въ квартирѣ и потомъ въ академической церкви до самаго отгѣванія.

Въ пятницу въ 12 часовъ дня отслужилъ панихиду въ квартирѣ покойнаго бывший ректоръ академіи протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, высоко цѣнившій Ивана Степановича и какъ профессора, и какъ человѣка. Въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера совершенно былъ торжественный выносъ смертныхъ останковъ покойнаго въ академическую церковь нынѣшнимъ ректоромъ академіи, преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ ладожскимъ, при соучастіи десяти протоіереевъ и священниковъ, отчасти сослуживцевъ покойнаго по академіи, отчасти его товарищей. Гробъ былъ несенъ на рукахъ профессорами и студентами во всю дорогу до самой академической церкви.

Въ субботу въ 10 ч. утра вся академическая корпорація вмѣстѣ съ многочисленными почитателями покойнаго собрались въ академическую церковь отдать послѣдній долгъ почившему. Между пожелавшими отдать этотъ долгъ были и бывшіе сначала его наставниками, а потомъ сослуживцами по академіи, заслуженный ординарный профессоръ академіи д. с. с. Василій Ивановичъ Долецкій, вице-директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода т. с. Илларионъ Алексѣевичъ Чистовичъ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета д. с. с. Даниль Абрамовичъ Хвольсонъ, всегда принимавшіе самое теплое участіе въ судьбѣ и научныхъ успѣхахъ покойнаго. Заупокойную литургію совершалъ преосвящ. ректоръ академіи въ сослуженіи съ профессоромъ протоіереемъ П. Ѳ. Николаевскимъ, и. д. доцента іеромонахомъ Михайломъ и четырьмя священниками изъ бывшихъ товарищей почившаго. Во время причащенія произнесено было студентомъ 2-го курса Долинскимъ слово, въ которомъ юный проповѣдникъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ изобразилъ глубокую скорбь, испытываемую имъ и его товарищами въ виду понесенной какъ профессорами, такъ и студентами тяжелой утраты.

Предъ началомъ отпѣванія, совершеннаго преосвящ. ректоромъ

академіи съ соучастіемъ двухъ архимандритовъ ¹⁾ и двадцати протоіереевъ и священниковъ, произнесена была профессоромъ академіи по кафедрѣ св. Писанія Новаго Завѣта, протоіереемъ В. Г. Рождественскимъ слѣдующая рѣчь:

„Благочестивые сомолитвенники,
братіе во Христѣ!

Въ послѣдніе годы 'академія наша несетъ утрату за утратой, одну тяжелѣе другой. То тяжкая, неизцѣлимая болѣзнь, то неумолимая смерть (мы не говоримъ уже о другихъ потеряхъ нашихъ) вырываютъ то и дѣло изъ среды нашей самыя дорогія силы, въ періодъ полнаго научнаго развитія ихъ, не разцвѣтающей лишь, но уже широкой, плодоносящей дѣятельности, — похищаютъ у насъ людей, которые, составляя красу и честь академическаго братства нашего въ настоящемъ, представляли собою вѣрные, богатые залогомъ счастливаго, славнаго и будущаго нашего. И такова въ особенности, нужно сказать, настоящая утрата наша!

Да, въ лицѣ досточтимѣйшаго Ивана Степановича Якимова мы всѣ, — и сослуживцы-товарищи его, и его слушатели-ученики, — понесли такую утрату, которую по всей справедливости, безъ всякой лести и преувеличенія, нужно назвать долго, очень долго вознаграждимою утратою. О поэтахъ говорятъ, что они являются уже на свѣтъ поэтами. Къ сожалѣнію, о людяхъ ученыхъ, посвящающихъ себя изученію и разработкѣ той или другой спеціальной отрасли знаній, сказать этого ни въ какомъ случаѣ нельзя. Этого рода общественные дѣятели и воспитатели, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, образовываются, развиваются обыкновенно многими годами; и это развитіе, это самообразование ихъ, при самыхъ счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ, всегда требуетъ съ ихъ стороны болѣе или менѣе усиленнаго, сложнаго труда, настойчивой энергіи и усид-

---

¹⁾ Находящагося на чредѣ служенія и проповѣданія слова Божія архимандрита Никона и цензора архимандрита Тихона.

чивости, беззаветной любви и преданности къ разъ-навсегда намѣченной себѣ дѣятельности. Въ области науки гений есть трудъ.

Живой, глубоко-поучительный примѣръ всего этого являлъ собою и нашъ почившій ученый труженикъ! Не со стороны только своихъ богатыхъ духовныхъ дарованій, но и со стороны научнаго трудолюбія онъ представлялъ собою рѣдкій образецъ, не часто встрѣчающееся въ жизни явленіе. Съ первыхъ же шаговъ своей профессорской дѣятельности по вѣренной ему кафедрѣ свящ. Писанія В. Завѣта, покойный, едва только оставившій школьную скамейку, смѣло пошелъ дорогою, которая, правда, и у насъ давно уже была намѣчена, но столь же давно, нужно сказать, была оставлена и почти совсѣмъ заброшена по ея чрезвычайной трудности, требующей особой научной подготовки. Онъ началъ изученіе и преподаваніе В. Завѣта съ самыхъ основъ его: съ изученія подлиннаго, еврейскаго текста и при томъ— въ связи его съ греческимъ переводомъ LXX и нашимъ славянскимъ. Его магистерская диссертация: „Отношеніе перевода LXX толковниковъ къ еврейскому масоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи“ (1874 г.) была въ нашей литературѣ явленіемъ совершенно новымъ, нѣкоторымъ образомъ—неожиданнымъ; явись она не у насъ, но и гдѣ-нибудь за границей, въ славящихся богатствомъ своихъ библіологическихъ трудовъ Германіи или Англіи,—и тамъ она доставила бы, несомнѣнно, молодому автору ея почетную извѣстность среди ученыхъ библеистовъ.

Таковы же были по характеру своему и всѣ послѣдующіе ученые труды покойнаго. Не проходило почти года, чтобы онъ не дарилъ насъ тѣми или другими учеными изысканіями своими по части библейской критики и экзегетики, —изысканіями, свидѣтельствовавшими о возраставшемъ все болѣе и болѣе богатствѣ и разнообразіи его историческихъ и филологическихъ библейскихъ знаній. Толкованія его на книги пророковъ Іереміи и Исаіи останутся безъ сомнѣнія у насъ надолго образцовыми трудами по ветхозавѣтной экзегетикѣ.

Но не одни только высокія умственные дарованія дѣлали почившаго предметомъ общаго, искренняго уваженія и любви; его нельзя было не любить и не уважать за рѣдкія нравственные качества его души. Въ высшей степени скромный, кроткій, искренно-благожелательный ко всему и ко всѣмъ, онъ производилъ собою, своимъ обращеніемъ чарующее впечатлѣніе. А какъ дороги, замѣтимъ, подобныя свѣтлыя, высокоблагородныя натуры особенно въ стѣнахъ школы! Дороги онъ потому, что онъ имѣютъ обыкновенно глубокое нравственно-воспитательное вліяніе на окружающую ихъ молодую среду.

Такого-то человѣка приходится намъ, братія, провожать сегодня въ путь жизни вѣчной! Тяжелъ видъ смерти всегда и всюду; но этотъ гробъ, уносящій отъ насъ въ могилу столь еще молодую, полную дорогихъ надеждъ, личность, производитъ поистинѣ удручающее впечатлѣніе; и только одна вѣра въ безконечную премудрость и милосердіе Того, Кто далъ намъ этого человѣка, а теперь беретъ его отъ насъ къ Себѣ, даетъ нѣкоторое успокоеніе смущенному сердцу!

Миръ праху твоему и вѣчная память тебѣ, дорогой, незабвенный товарищъ! Воистину во славу Божию, надъ уясненіемъ себѣ и особенно другимъ премудрыхъ и спасительныхъ словесъ Божіихъ, трудился ты на землѣ; слава и блаженство въ обителяхъ Отца небеснаго да будутъ вѣчнымъ удѣломъ твоимъ на небесахъ!"

Послѣ гвѣнія „Со святыми упокой!“ произнесъ рѣчь доцентъ еврейскаго языка и ветхозавѣтной археологіи И. Г. Троицкій, бывшій ученикъ покойнаго и одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, вмѣстѣ съ доцентомъ педагогики С. А. Соллертинскимъ принявшій его послѣдній вздохъ. Вотъ эта рѣчь:

„Прости мнѣ, добрыйшій Иванъ Степановичъ, что я осмѣливаюсь возмущать твой блаженный покой своимъ безыскусственнымъ словомъ. Около твоего гроба какъ-то не хочется говорить; здѣсь хочется или размышлять, или плакать: размышлять о тайнахъ міроваго порядка, плакать о той дисгармоніи въ этомъ по-

рядкѣ, слѣдствіемъ которой являются никого не щадящія болѣзни и смерть, — да, болѣзни и смерть, съ жестокостію вырвавшія тебя изъ объятій молодой и любящей жены, рановременно отнявшія тебя у общества, друзей и дѣятелей науки, къ глубокому прискорбію всѣхъ. Если я рѣшаюсь своими устами колебать атмосферу, окружающую твой честный гробъ, то — единственно во исполненіе своего нравственнаго долга. Еще въ то время, когда я находился на студенческой скамьѣ, научные интересы сблизили меня съ тобой, и ты былъ настолько добръ, что не закрывалъ предо мной тайниковъ своего ума и сердца и тѣмъ далъ возможность отчасти разгадать твою довольно таинственную личность, заглянуть за ту завѣсу, которою ты такъ тщательно закрывалъ алтарь своей души отъ взоровъ наблюдателей. Повѣдать о результатахъ своихъ наблюденій въ настоящемъ случаѣ считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, — не ради похвалъ тебѣ, въ которыхъ ты никогда не нуждался, тѣмъ болѣе не нуждаешься теперь, и не ради тѣхъ, кому извѣстна была твоя личность (таковые не требуютъ объясненій), а ради тѣхъ, кому ты былъ недостаточно извѣстенъ: пусть и они сознательнѣе отнесутся къ твоей личности, и съ большимъ усердіемъ положатъ поклонъ за упокой твоей праведной души.

Ты принадлежалъ къ числу такихъ людей, какихъ въ наше время, — время фразы, мишурнаго блеска и гордаго эгоизма, — становится все меньше и меньше. Обладая богатыми духовными дарованіями, широкими и глубокими познаніями, ты не старался какъ либо рельефно импонировать на среду. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, ты оставался вѣрнымъ тѣмъ глаголамъ живота вѣчнаго, разъясненію которыхъ была посвящена твоя жизнь. Здѣсь невольно припоминается одинъ глубокознаменательный эпизодъ изъ ветхозавѣтной исторіи. Когда ревнитель завѣта Іеговы, Ілія Оесвитянинъ, спасаясь отъ мщенія развратныхъ современниковъ, скрывался въ хоривской пещерѣ, то, какъ говоритъ Писаніе, ему явился Господь, — и явился не въ сильномъ вѣтрѣ, со-

крушающемъ скалы, не въ огнѣ и землетрясеніи, но въ вѣяніи тихаго вѣтерка (3 Цар. XIX, 11—12). Этимъ самымъ Господь какъ бы показалъ, что благотворныя, созидающія силы какъ природы, такъ и исторіи, проявляются спокойно, безъ какихъ либо рѣзкихъ порывовъ и потрясеній. Къ таковымъ-то силамъ и принадлежалъ ты, многоуважаемый учитель и профессоръ. Обаяніе твоей высокой личности, которому болѣе или менѣе подчинялся всякій, знавшій тебя, можно сравнить съ вѣяніемъ тихаго весенняго вѣтерка. Какъ этотъ спокойно и тихо вливаетъ жизнь въ сферы, куда онъ проникаетъ: такъ и ты спокойно и методически вливалъ умственную жизнь въ молодья и воспримчивыя силы своихъ слушателей. Какъ въ научной, такъ и въ общественной дѣятельности ты былъ чуждъ всякихъ рѣзкостей и переворотовъ, и тебѣ несвойственно было модное въ наше время чувство борьбы. Но ошибочно было бы думать, что такое спокойствіе, уклоненіе отъ борьбы было слѣдствіемъ слабости воли и характера. Далекое нѣтъ! Твоя личность тѣмъ и загадочна, что она представляетъ рѣдкій образецъ совмѣщенія христіанской кротости и смиренія съ великой нравственной и умственной силой. Тамъ, гдѣ нужна была твердость, какъ-то: въ дѣлахъ вѣры, чести и блага ближнихъ, ты былъ твердъ до непоколебимости. Какъ глубока и тверда была твоя вѣра! Ничто не могло поколебать ея: ни модное въ наше время легкомысліе въ религіозныхъ вопросахъ; ни твоя жизнь въ западной Европѣ, при всевозможныхъ вліяніяхъ; ни наконецъ обширная ученость и тонкій анализъ ученыхъ рационалистовъ, расшатывающихъ основы христіанства. Эта глубокая вѣра въ Бога главнымъ образомъ наполняла и освящала содержаніе твоей духовной жизни, и не затмѣвалась въ тебѣ другими чувствованіями. Уже въ самыя послѣднія минуты жизни, когда смерть своею жезлѣною рукой сдавила твою страдальческую грудь и ангелъ смерти уже прикоснулся къ твоимъ устамъ своею чашей, изъ нихъ слышался не ропотъ и не болѣзненный стонъ, а молитвенное обращеніе ко Господу. Эта сильная вѣра опредѣлила и твою ученую

карьеру. Въ то время, когда разумъ объявилъ особенно жестокою войну вѣрѣ и желалъ лишить человѣчество самой великой его святини—Библии, ты твердо и спокойно держалъ эту великую, но трудную для пониманія книгу и, указывая на нее, безъ смущенія говорилъ: „здохъ умъ“ (Апок. XVII, 9). Твоя ревность о словѣ Божіемъ *смыде* тебя: она распатала твое здоровье и была причиной преждевременной кончины. Но *спяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе, а спяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный*, говоритъ апостолъ (Гал. VI, 8). Ты съялъ въ духъ, и потому для тебя предстоитъ жатва въ сознаніи молодыхъ поколѣній, воспитавшихся подъ вліяніемъ твоей личности и твоихъ ученыхъ занятій,—въ проясненіи религіознаго сознанія читателей твоихъ толкованій, среди православнаго люда.— Говорить ли еще о твоихъ заботахъ о благѣ и чести ближнихъ? Онѣ извѣстны даже и тѣмъ, которымъ недостаточно извѣстна твоя личность. Твое нѣжное сердце отзывалось на всякую нужду и печаль, и много есть лицъ, которымъ ты помогалъ въ критическія минуты жизни. Спи же сномъ праведника, честный и неутомимый труженикъ науки, добрый и любящій человѣкъ. Мы вѣримъ, что твой духъ найдетъ себѣ вѣчное успокоеніе въ высшихъ сферахъ бытія, къ которымъ онъ стремился во время земнаго бытія. У престола Всевышняго помолись и за насъ, добрый человѣкъ, да не оскудѣваетъ среди насъ духъ искреннаго и безкорыстнаго служенія наукѣ; да не оскудѣваетъ среди насъ духъ любви къ трудамъ многомилліоннаго православнаго народа, какъ манны небесной, алчущаго разумнѣя слова Божія!“

Кромѣ того въ теченіе отпѣванія произнесли еще рѣчи землякъ и товарищъ покойнаго по вятской семинаріи священникъ А. А. Дерновъ и студентъ третьяго курса историческаго отдѣленія Григорій Скворцовъ. Первый подѣлился съ слушателями воспоминаніями о дѣтствѣ и школьной жизни дорогаго покойника, второй искалъ утѣшенія въ горестной утратѣ въ словѣ Божіемъ.

Послѣ отпѣванія предъ прощаніемъ произнесъ еще слѣдующую

рѣчь студентъ четвертаго курса богословскаго отдѣленія И. Губкинскій.

„Послѣдними взорами смотримъ мы, братіе, на эти брѣнные останки столь дорогаго и близкаго намъ наставника и собрата! Послѣднимъ „прости!“ должны мы наутствовать его, отходящаго отъ насъ! Послѣднее цѣлованіе сейчасъ дадимъ ему. О, какой роковой, гнетущій смыслъ должны мы соединить съ этимъ послѣднимъ цѣлованіемъ!.. Тяжело, очень тяжело иногда бываетъ говорить это послѣднее „прости“ и не при гробѣ, говорить и при временной разлукѣ, когда расстаешься съ любимымъ и взаимно любящимъ человѣкомъ, но когда все-таки не только самъ говоришь послѣднее „прости“, но и получаешь въ отвѣтъ тоже прощальное привѣтствіе, и когда взаимныя прощальныя привѣтствія соединяются съ свѣтлою надеждою радостнаго свиданія послѣ томительной разлуки. Не такая разлука предстоитъ теперь намъ. Предъ нами гробъ, правда, съ дорогими для насъ останками, но намъ предстоитъ вѣковѣчная разлука съ лежащимъ во гробѣ, — разлука тѣмъ болѣе тягостная, чѣмъ живѣе и крѣпче связующія узы, которыя еще такъ недавно соединяли почившаго съ окружающими теперь его гробъ, тѣмъ болѣе острая и скорбная, чѣмъ важнѣйшее звѣно отъ общей связи отторгается. На вѣки прощаемся мы съ почившимъ! Но въ его лицѣ мы прощаемся съ человѣкомъ, который родствененъ и близокъ всякому, кто только зналъ его неподдѣльную искренность, прямоту и задушевность, — кто только находился подъ обаятельнымъ вліяніемъ мягкости и нѣжности его обращенія, кто только чувствовалъ его до глубины души трогательное добродушіе и ласковость. Въ его лицѣ, далѣе, на вѣки прощаемся мы съ наставникомъ, который завоевалъ себѣ такія сильныя симпатіи, такую глубокую любовь и уваженіе со стороны своихъ слушателей, что послѣдніе и при жизни покойнаго считали, инстинктивно считали для себя непозволительнымъ всякій, хотя сколько-нибудь оскорбительный для личности дорогаго наставника отзывъ. Въ его лицѣ, наконецъ, на вѣки прощаемся мы съ дѣя-

телемъ науки, съ дѣятелемъ, близкимъ сердцу всякаго, кто только дорожить уясненіемъ главнѣйшаго первоисточника нашей вѣры.

Вотъ какой высокій, величественный, но въ тоже время обаятельно-привлекательный образъ того, кому мы должны сказать сейчасъ свое послѣднее „прости“, но охладѣвшій трупъ котораго своими безмолвными устами на всѣ наши привѣтствія въ состояніи дать лишь одинъ ясный и раздѣльный отвѣтъ: „еще мало, и къ тому не узрите мя“. Да, еще нѣсколько мгновений— и дорогаго предмета нашего глубочайшаго уваженія и нашей искренней и нелицепріятной любви нѣтъ и не будетъ... Можетъ ли быть что-либо болѣе горькое и удручающее, чѣмъ эта мысль, что такъ недавно вращавшійся среди насъ и столь живыми и тѣсными узами связанный съ нами на вѣки изъемлетъ изъ среды живыхъ?! Правда, наша вѣра и эту самую тяжкую скорбь растворяетъ утѣшеніемъ упованія, когда говоритъ: да не скорбите о умершихъ, якоже и прочіи, не имущіи упованія. Правда, только это одно упованіе и можетъ служить намъ утѣшеніемъ въ предстоящей намъ горестной разлукѣ и проливать отраду въ пораженныя скорбію сердца. Но какъ всякое утѣшеніе слѣдуетъ только послѣ скорби, такъ и наша вѣра своимъ утѣшеніемъ не отрицаетъ и справедливой скорби по умершемъ, когда объясняетъ, что самая смерть наша есть слѣдствіе не природы, но грѣха, и что поэтому въ каждой жертвѣ смерти должны мы видѣть горькій достойный оплакиванія плодъ первобытнаго человѣческаго своеволія. И чѣмъ естественнѣе это воспоминаніе первобытнаго своеволія при видѣ столь неожиданно, столь преждевременно, столь, повидимому, незаслуженно пораженной рукою смерти жертвы, тѣмъ живѣе и сильнѣе возбуждается скорбное чувство понесенной утраты, и чѣмъ сильнѣе отъ избытка скорбнаго сердца глаголютъ уста, тѣмъ болѣе, кажется, подобающій долгъ воздаешь почившему...

Скорбь, глубокая скорбь объемлетъ душу при видѣ всякаго гроба съ бранными останками подобнаго намъ человѣка. Всякій гробъ вмѣщаетъ въ себѣ нашу человѣческую, по образу Божію

созданную красоту, но увь! безобразную, безславную, не имущую вида. При всякомъ гробѣ видишь въ умершемъ плачевную участь свою собственную. При видѣ всякаго гроба естественное чувство жизни содрогается, какъ при видѣ своего врага. Но скорбное чувство при видѣ гроба умѣряется, когда въ немъ лежитъ согбенный лѣтами многими старецъ, когда въ немъ поживаетъ мужъ, пресытившійся жизнію и, такъ сказать, отжившій свой вѣкъ; оно совсѣмъ успокоивается, когда при сознаніи того, что нѣтъ человѣка, который бы пожилъ и не умеръ, въ самой смерти преклоннаго, отжившаго свое старца видитъ естественное отпаденіе зрѣлаго плода съ древа земной жизне-дѣятельности.—Но внушаетъ ли это успокоительное сознаніе и тотъ гробъ, который предлежитъ нашимъ взорамъ? Отжившій ли свой вѣкъ поживаетъ въ этомъ гробѣ? Созрѣвшій ли плодъ земной жизне-дѣятельности лежитъ въ немъ на пути въ жизнь вѣчную?—Нѣтъ, братіе, нѣтъ. Въ почившемъ мы видимъ не старца, пресытившагося жизнію, а напротивъ человѣка, только что разцвѣтшаго для жизни. Во гробѣ лежитъ предъ нами человѣкъ, который такъ недавно, какихъ нибудь два—полтора года тому назадъ столь свѣтлымъ и довѣрчивымъ окомъ глядѣлъ въ даль будущаго, съ такою, повидимому, силою сознавалъ энергію своего чувства жизни, что счелъ себя одинокимъ въ обладаніи этою жизнію и избралъ себѣ содруга и соучастника ея въ лицѣ такъ тяжко осиротѣвшей нынѣ супруги. Во гробѣ лежитъ предъ нами человѣкъ, который хотѣлъ жить, жить и жить и который однако такъ внезапно и такъ преждевременно посѣченъ рукою смерти! Какой тяжелый урокъ для насъ, питомцевъ этой высшей духовной школы и особенно для тѣхъ, которые окончили школьное поприще, которые готовятся вступить въ жизнь, принять на себя обязанности наставниковъ и которые вотъ уже третьяго преждевременно въ цвѣтѣ лѣтъ погибающаго наставника провожаютъ въ загробный міръ!.. Подлинно, еслибы книга судебъ, интересамъ которой служилъ покойный, не говорила, что и вмалѣ скончавшійся исполняетъ лѣта долга, то этотъ гробъ внушалъ бы намъ лишь одно

горькое безнадежное отчаяніе. Но при свѣтѣ этой истины мы и въ столь горестной предстоящей намъ разлукѣ имѣемъ основаніе ублажительно привѣтствовать отходящаго отъ насъ: „блаженъ путь, въ онъ же идеши ты днесъ, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“.

Скорбное чувство при видѣ столь преждевременно скончавшагося человѣка тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ душою, когда вспомнишь, чѣмъ былъ покойный, какъ дѣятель, чѣмъ былъ онъ для тѣхъ питомцевъ, которые теперь окружаютъ его гробъ, и для того дѣла, которому онъ до самопожертвованія служилъ и которое должно быть дорого и близко всякому истинному послѣдователю Христовой вѣры. Обращусь къ первому. Чѣмъ былъ покойный для своихъ питомцевъ студентовъ? Сказать ли, что онъ былъ для нихъ наставникомъ? Но я боюсь, какъ бы не обезцвѣтить столь ярко блестящій ликъ въ ряду наставниковъ. Сказать ли, что онъ былъ справедливымъ наставникомъ? Но и этимъ, кажется, слишкомъ тускло освѣщались бы тѣ глубочайшія симпатіи, то искреннѣйшее расположеніе и любовь, которыми въ особенномъ и преимущественномъ смыслѣ неизмѣнно характеризовались отношенія къ нему студентовъ. Сказать ли, что онъ былъ другомъ и братомъ? Но такимъ онъ былъ не для однихъ только студентовъ, но думаю для всѣхъ и cadaго. Напрасно сталъ бы я подыскивать болѣе мѣткую и вѣрную характеристику почившаго въ его отношеніи къ студентамъ, чѣмъ та, которая выражается этими двумя словами: „любимый наставникъ“. Напрасно также сталъ бы я и объяснять тотъ глубоко-знаменательный смыслъ, который соединяется съ этими словами. Этотъ смыслъ подскажутъ каждому его личныя воспоминанія изъ дѣтства, да и не изъ дѣтства только, но и вообще изъ школьной жизни. Безъ всякихъ разъясненій, по собственному опыту каждый можетъ вообразить и почувствовать всё, увлекающія симпатіи питомцевъ, свойства любимаго наставника, какимъ былъ почившій. Безъ всякихъ разъясненій также можно понять и представить, до какого совершенства доходило въ почившемъ то глубоко-трогательное сочетаніе суроваго долга и нѣжной, кроткой снисходительности, которое

прежде и главнѣе всего почитается и возбуждаетъ къ себѣ любовь въ любимомъ наставникѣ. Всякій слушатель покойнаго съ готовностію засвидѣтельствуетъ, что почившій „любимый наставникъ“ былъ на сторонѣ скорѣе снисходительнаго, чисто-товарищескаго, чѣмъ строго-официальнаго отношенія къ своимъ слушателямъ. Но едва ли кто-либо откажется засвидѣтельствовать и то, что отъ этой снисходительности нисколько не страдалъ и его наставническій долгъ. Его добродушіе и снисходительность производили такое обаятельное и неотразимое дѣйствіе, что, кажется, запрещали незаслуженно пользоваться ими чрезъ чувство простой стыдливости.

Но не одно только это гармоническое сочетаніе долга и любви почиталось и глубоко уважалось въ почившемъ наставникѣ. Въ самомъ способѣ его преподаванія невольно сказывалось и заставляло высоко цѣнить себя подобное же гармоническое сочетаніе двухъ противоположностей, но на этотъ разъ противоположностей, представляемыхъ самими слушателями. Не думайте, что я говорю объ общей долѣ каждаго наставника имѣть дѣло съ самыми разнообразными по степени своей подготовленности и самыми разнохарактерными по своимъ научнымъ запросамъ слушателями. Нѣтъ, на долѣ почившаго наставника въ этомъ отношеніи лежала болѣе сложная и болѣе трудная задача, чѣмъ какая предлежала и предлежитъ всякому другому. Если не догадываетесь, возлюбл. брат., то скажу прямо: особенная сложность и трудность преподавательской задачи покойнаго наставника обуславливалась самымъ, такъ сказать, двусмысленнымъ положеніемъ его предмета на почвѣ его слушателей, предмета, научная постановка котораго немислима внѣ связи съ оригинальнымъ языкомъ ветхозавѣтнаго писанія и который однако преподавался покойнымъ слушателямъ, въ цѣлой и притомъ большей своей половинѣ незнакомымъ съ этимъ оригинальнымъ языкомъ. Говорить ли послѣ этого, что покойный несъ двойную обязанность всякаго наставника? Онъ необходимо долженъ былъ заботиться не только объ удовлетвореніи научныхъ запросовъ своихъ слушателей, но и о томъ, чтобы, удовлетворяя эти запросы для одной половины

слушателей, не быть въ то же время гласомъ вопіющаго въ пустыни для другой. Естественно, поэтому, что ему больше, чѣмъ всякому другому наставнику приходилось вѣдаться съ требованіемъ „быть всѣмъ вся“. И слушателямъ покойнаго нужно только припомнить, какъ живо предносилось его сознанію это апостольское требованіе, какъ заботился онъ о выполненіи лежавшей на немъ двойной обязанности, какою умѣлою рукою сглаживалъ онъ неровности той почвы, на которую воздѣйствовалъ своими чтеніями, какой глубоко-научный, но въ то же время удобоваримый для всѣхъ матеріалъ преподавалъ онъ въ нихъ и какъ, наконецъ, не ограничиваясь преподаваніемъ общаго научнаго млека для всѣхъ своихъ слушателей, предлагалъ нерѣдко спеціальную твердую пищу для болѣе совершенныхъ. Незабвенно, наконецъ, для слушателей покойнаго и то искреннее отношеніе къ своему предмету, та любовь къ своему дѣлу, которая сказывалась въ каждомъ его словѣ и которая сухое собраніе филологическихъ, археологическихъ и тому подобныхъ разъясненій превращала въ живое, одухотворенное, невольно приковывавшее къ себѣ научное вниманіе цѣлое... Какъ не надѣяться послѣ всего этого, что образъ любимаго и любившаго наставника неизгладимою печатью ляжетъ на сердцахъ его слушателей, что они не забудутъ его по вся дни жизни своей, что молитва о блаженномъ упокоеніи его души будетъ всегдашнею и непремѣнною обязанностію всѣхъ ихъ и особенно тѣхъ, которые служатъ и будутъ служить предъ престоломъ Всевышняго принесеніемъ безкровной жертвы?

Чтобы довершить изображеніе дѣятельности покойнаго профессора и всей тяжести потери, какую несемъ мы въ его лицѣ, слѣдовало бы сказать и о трудахъ его, какъ ученаго библенста, трудахъ, по которымъ онъ былъ наставникомъ не только для студентовъ, но и для всѣхъ, кому дороги интересы священной библіологии. Но не студенту судить объ ученыхъ трудахъ своего профессора и не при гробѣ приличное мѣсто для этого сужденія. Не могу однако я умолчать о томъ, о чемъ говорить и громко говорить самое положеніе того дѣла, которому служилъ покойный и которое теперь

лишается въ немъ своего работника. Кто не знаетъ, какъ не богато дѣятелями то поприще, на которомъ работалъ покойный? Кому не извѣстно, что не сотнями и тысячами считаются у насъ эти дѣятели, а единицами, и единицами въ большинствѣ случаевъ весьма мелкими, такъ что каждую библеистическую статью, появляющуюся на страницахъ нашихъ духовныхъ журналовъ приходится чуть-ли не съ восторгомъ привѣтствовать, какъ радостный признакъ все еще живущаго библеистическаго интереса? Кто не можетъ понять послѣ этого, что почившій библеистъ былъ работникомъ на томъ поприщѣ, которое всего болѣе нуждается въ работникахъ и которое терпитъ тяжелый уронъ отъ потери всякаго, а тѣмъ болѣе такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ почившій?.. А широкая популярность покойнаго, та популярность, какую онъ пользовался не только въ столичныхъ и ученыхъ центрахъ, но и въ глухихъ провинціяхъ, гдѣ его толкованія сплошь и рядомъ являются главною приманкою къ академическому журналу,—о, какъ много говоритъ она о томъ, чѣмъ былъ покойный для своего дѣла и какую тяжкую потерю несутъ въ немъ всѣ, кому только дорого это дѣло!..

Къ тебѣ, дорогой наставникъ, обращаю свое послѣднее привѣтствіе! Можетъ быть я оскорбилъ твою смиренно-мудрую скромность, не терпѣвшую и при жизни выставлять на показъ свои дѣла,—оскорбилъ, коснувшись дѣлъ твоихъ, отъ которыхъ ты почилъ?!. Но прости мое дерзновеніе. Скорбь, тяжкая скорбь о твоёмъ отшествіи отъ насъ,—горестъ, глубокая горестъ о вѣковѣчной разлукѣ съ тобою—вотъ что заставляло меня говорить о томъ, какъ много, важнаго и дорогаго лишаемся мы въ тебѣ... Миръ праху твоему, дорогой наставникъ! Господь да пріиметъ духъ твой съ миромъ! “..

Эти, почти непрерывно слѣдовавшія одна за другой рѣчи и какъ-бы старавшіяся отдалить до послѣдней возможности роковой моментъ вѣчной разлуки съ остатками любимаго человѣка, были причиною того, что богослуженіе, начавшееся въ 10 утра, затянулось до половины 2-го пополудни. Но и въ то время, когда по

окончаниі отпѣванія гробъ вынесенъ былъ на кладбище Александревской лавры руками профессоровъ и студентовъ и опущенъ въ могилу, возвысился еще одинъ сочувственный дорогому покойнику голось. Онъ принадлежалъ одному изъ постороннихъ академіи почитателей покойнаго, устюжскому купцу И. И. Красильникову. Почтенный коммерсантъ произнесъ слѣдующее:

„Я не академическій ученикъ, не родственникъ и не землякъ покойнаго почтеннаго Ивана Степановича, а обыкновенный изъ числа его ближайшихъ знакомыхъ со времени его академическаго студенчества.

Чтобъ пополнить свое не дополченное образованіе и чтобъ свѣрять свои практическія наблюденія и замѣчанія надъ процессомъ человѣческой жизни съ научными теоріями, я постоянно искалъ и ищу знакомства и дружества между людьми науки. Въ числѣ таковыхъ моихъ знакомыхъ и друзей сердца былъ и Иванъ Степановичъ. Какая-то сверхъестественная сила всегда особенно влекла къ покойному, когда требовала надобность разрѣшить возникшій какой-либо спорный религіозный вопросъ или успокоиться отъ какихъ-либо нравственныхъ страданій. Отъ его глубоковѣрнаго слова всякія сомнѣнія разрѣшались и страданія прекращались.

Вотъ почему я возымѣлъ желаніе и нахожу полезнымъ сказать для памяти Ивана Степановича нѣсколько словъ.

Въ церкви мы слышали изъ устъ товарищей, друзей и учениковъ незабвеннаго Ивана Степановича много прочувствованно-сердечныхъ словъ въ похвалу почившаго. Много и хорошо говорили: о большихъ и цѣнныхъ трудахъ Ивана Степановича, которыми онъ обогатилъ богословскую науку по священному Писанію, о его самоотверженной и не утомимой работѣ, не смотря на постоянное его болѣзненное состояніе, и какъ о человѣкѣ съ высшими благородными качествами. Но какую онъ принесъ пользу, какъ общественный дѣятель вообще, объ этомъ никто пока ничего не сказалъ.

И вотъ этотъ-то, весьма важный для его біографіи, пробѣлъ я позволяю себѣ пополнить въ немногихъ словахъ.

Иванъ Степановичъ, не смотря на свое отдѣльное ученое положеніе, до послѣднихъ дней своей жизни не чуждался бѣдныхъ и не просвѣщенныхъ людей, но какъ произшедшій изъ деревенскаго бѣднаго положенія и состоянія, онъ съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время отдохновенія въ средѣ средняго и мало-просвѣщеннаго общества. Здѣсь онъ былъ и проповѣдникомъ христіанской нравственности и помощникомъ въ нуждѣ.

Случайно на улицѣ я встрѣчаю одного, совершенно мнѣ незнакомаго, молодаго человѣка, оборваннаго и исхудалаго отъ голода. Образъ христіанскаго смиренія этого юноши обратилъ мое особенное вниманіе. Спрашиваю его: кто онъ, откуда и что представляетъ въ данную пору?

— Крестьянинъ оренбургской губерніи П..., учился въ школѣ, имѣю *композиторскія* и *музыкальныя* наклонности, пришелъ пѣшкомъ въ столицу, чтобы усовершенствоваться въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ мнѣ юноша, и при этомъ показалъ мнѣ свои музыкальныя труды, говоря: „купите пожалуйста, дабы мнѣ было на что сегодня поѣсть и заплатить за ночлегъ“.

Видя въ юношѣ человѣка, который видимо и при голодной нуждѣ стремится пропитать себя чрезъ трудъ, не входя въ дальнѣйшіе разспросы я попросилъ его отправиться со мною вмѣстѣ.

Приходимъ къ дорогому Ивану Степановичу. Застаемъ его за работой.

— Извините пожалуйста, Иванъ Степановичъ, было мнѣ привѣтомъ. Можетъ не впасть: вы особенно заняты?

— Нѣтъ!... пожалуйста... прошу покорно, видимо съ большимъ удовольствіемъ попросилъ насъ И. С. садиться.

— Вотъ, обратился я къ Ивану Степановичу, молодой человѣкъ г. П... съ задатками таланта къ музыкѣ, но крайняя его бѣдность является препятствіемъ ихъ развитію. Придейте на помощь общими силами?

— Я готовъ, съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ Иванъ Степановичъ.

И это слово стало немедленнымъ дѣломъ: молодой человѣкъ былъ взятъ И. С. на свое попеченіе, общими силами былъ обутъ и одѣтъ и, поддерживаемый матеріально, былъ поставленъ на путь, обезпечившій ему правильное музыкальное образованіе.

Когда я лично нуждался въ разъясненіи нѣкоторыхъ моихъ сомнѣній по вопросамъ религіи, возникавшихъ при чтеніи рационалистическихъ сочиненій, то Иванъ Степановичъ глубиною своего знанія священнаго Писанія и своей искренней вѣрой моментально разсѣивалъ мои сомнѣнія и превращалъ мое сомнѣніе въ крѣпкую вѣру по ученію нашей святой православной церкви.

Въ виду всего этого нельзя не согласиться, что не только академія и богословская наука, но и общество понесло въ Иванѣ Степановичѣ громадную и едва-ли скоро возмѣстимую потерю. Такіе люди—рѣдки и необходимы, въ особенности въ настоящее время, время сомнѣній и маловѣрія.

Миръ праху твоему незабвенный учитель христіанской любви и не словомъ только, но и дѣломъ наставникъ на все доброе!

И не въ однихъ рѣчахъ друзья и почитатели покойнаго выразили свое горячее сочувствіе къ его памяти. Печальную процессію украшали также шесть вѣнковъ съ соответствующими надписями: первый отъ земляковъ и друзей покойнаго съ надписью: *Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется во царствіи небесныхъ*, второй, четвертый, пятый и шестой отъ студентовъ академіи разныхъ курсовъ—первый въ формѣ креста съ надписью: *Беззавѣтно преданные студенты самоотверженному труженику профессору*, остальные съ надписью: *профессору И. С. Якимову студенты*, третій вѣнокъ съ надписью: *Отъ вятской д. семинаріи и стараго товарища дорогому Ивану Степановичу Якимову*. Кромѣ того въ средѣ академической корпораціи, друзей и почитателей покойнаго открыта подписка на сооруженіе памятника незабвенному труженику на его могилѣ. Къ участию въ ней приглашаются и всѣ бывшіе слушатели и знакомые Ивана Степановича. Свои лепты они могутъ посылать на имя редакціи

„Церковнаго Вѣстника“ и „Христ. Чтенія“. Мѣсто для могилы на монастырскомъ кладбищѣ, по ходатайству пресвященнаго ректора академіи и по волѣ Высокопреосвященнаго митрополита Исидора, уступлено лаврою даромъ.

Молодая вдова покойнаго, всего полтора года тому назадъ сочѣтавшаяся съ нимъ бракомъ, осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію и все свое упованіе возлагаетъ на благосклонное вниманіе высшаго духовнаго начальства къ службѣ своего мужа и на участіе къ его памяти со стороны добрыхъ людей.

Редакція „Христіанскаго Чтенія“, кромѣ общихъ причинъ, краснорѣчиво разъясненныхъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ смертными останками Ивана Степановича, имѣетъ еще особья причины оплакивать его преждевременную кончину. Покойный профессоръ былъ постояннымъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Христіанскаго Чтенія“. Кромѣ общаго участія въ журналъ, который онъ не рѣдко украшалъ серьезными изслѣдованіями и статьями по предмету своей спеціальности, онъ самостоятельно завѣдывалъ однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ его, именно—отдѣломъ толкованій на книги св. Писанія В. Завѣта, отчасти какъ редакторъ, отчасти какъ авторъ. Ему исключительно принадлежатъ толкованія на книгу пророка Іереміи и на 27 первыхъ главъ книги пророка Исаіи и въ значительной степени толкованія на Псалтирь, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ редактора.

Участіе покойнаго въ этомъ отдѣлѣ было такъ существенно, что по случаю его неожиданной кончины редакція вынуждена закрыть этотъ отдѣлъ на неопредѣленное время. Это одно даетъ уже весьма осязательную мѣрку научной компетентности покойнаго вообще и тяжести его утраты для редакціи.

Прими же, дорогой сотрудникъ, отъ редактора любимаго тобой журнала поклонъ до сырой земли, въ которой покоится теперь твое тѣло. И да пребудетъ на вѣки незабвенною твоя добрая память!

* *
*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки